

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук

МЕТОДОЛОГИЯ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Материалы Всероссийской конференции
университетов и академических институтов РАН

Москва, 30–31 марта 2017 г.

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГТУ им. Н. Э. Баумана
2017

УДК 168

ПОЧЕМУ ИСТОРИЯ НЕ НАУКА, А ИСТОРИОГРАФИЯ

А.Н. Нестеренко | ✉ rockwool@list.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), Москва, Россия

Социальная практика свидетельствует, что обществу навязывается та интерпретация истории, которая необходима для оправдания власти господствующей группы и ее политики. Отсюда известное утверждение Джорджа Оруэлла: «Кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [1, с. 41].

Чем меньше в обществе свободы, тем больше история выступает в качестве политического инструмента, направленного на то, чтобы управлять представлениями о прошлом: устанавливать «новые» праздники, возводить мемориалы, утверждать учебные программы, заказывать произведения искусства, прославлять одних исторических личностей и уничтожать память о других. Чтобы придать такой политике легитимность, история причисляется государством к наукам, а полученные ей представления о прошлом представляются как истина.

С эпистемологической точки зрения, на мой взгляд, история не является наукой, ибо о прошлом невозможно достоверное знание. По форме, содержанию и методам репрезентации прошлого относятся не к науке, а к идеологии, массовой культуре, искусству. Она представляет собой «гермафродит научной рациональности и литературной формы» [2, с. 10]. Поэтому корректнее сложившуюся в социуме систему представлений о прошлом следует называть не исторической наукой, а историографией.

«История» не что иное, как способ взаимодействия индивидуального настоящего (дазайна) с прошлым (небытием), которое не относится к индивидуальной памяти, ибо к области воспоминаний в отличие от истории относится только лично пережитое индивидом в процессе социального взаимодействия. Поэтому «история — определенный вид организованного или выводного знания, а память вообще не является ни организованной, ни выводной» [3, с. 240]. События прошлого — классический пример «вещей в себе» И. Канта, принципиально не познаваемых в силу невозможности получения непротиворечивого знания о контексте фактов прошлого: невозможно достоверно установить, почему описано именно это событие и именно так, а не иначе.

История создается путем приписывания событиям прошлого значения в форме концептов, которые выступают как интеллектуальные структуры, обозначающие прошлое, но никогда не существовали в реальности. Историография выбирает определенные факты и на основании конвенциональной договоренности принимает их как наиболее значимое в рамках данного концепта. Например, в рамках концепта «Великая Отечественная война» наиболее значимыми событиями названы 22 июня 1941 года и 9 мая 1945 года (даты ее начала и окончания), между которыми располагаются иные важные точки (Битва за Москву, Сталинградская битва и т. д.).

В результате историография представляет собой совокупность множества концептов, основанием которых выступают конвенционально принятые как

особо значимые (памятные) события (даты). Таким образом, прошлое становится историей путем создания концептов, на основании которых совокупности фактов приписывается смысл, и в соответствии с этим смыслом они систематизируются и обобщаются, становясь обозначением для определенного пространственно-временного континуума.

Возникает вопрос: что является основанием для создания концептов? Почему историк осуществляет репрезентацию фактов прошлого именно таким, а не иным образом? Признание тех или иных событий значимыми обосновывается дажайном, который детерминирован идеологическими, культурологическими, ценностными составляющими, обуславливающими отношение историка к прошлому. Существует множество разных описаний прошлого («историй»), которые соответствуют представлениям различных «мы-групп» в разные моменты времени о своем коллективном прошлом. В рамках этих представлений одни события признаются значимыми, другие — целенаправленно игнорируются. В конечном итоге историк будет интерпретировать события прошлого не исходя из фактической реальности, а в рамках парадигмы, заданной историографическим концептом.

Таким образом, фактологический континуум, включенный в содержание историографического концепта, определяется не объективной необходимостью, а рациональностью, основанием которой выступает мировоззренческая позиция историка. В этом смысле не события прошлого определяют содержание концепта, а концепт детерминирует то, как историография описывает события прошлого [4].

Если, как это отметил еще Платон, познаваемо только существующие, а знание соответствует своему предмету, то объектом историографии является прошлое, которое не существует, и, следовательно, оно непознаваемо [5, с. 211-212; 257]. Создаваемые историографией нормативные репрезентации обращаются не непосредственно к прошлому, которого уже не существует, а к его артефактам. Именно они являются для историографии объективной реальностью, которую она интерпретирует. Следовательно, историографический нарратив есть результат отношения дажайна с артефактом. В историографии сущее сводится к тексту, который описывает актуальное небытие, и потому невозможно его эмпирическое повторение, а следовательно, и проверка, выходящая за рамки логико-семантической системы. Фактически историография — это дискурс, содержание которого — диалог текста с другими текстами. В этом смысле «нарративные интерпретации являются не знанием, но организацией знания» [6, с. 123].

Такой подход изначально метафизический, а не научный, потому что предполагает недопустимую инверсию настоящего в прошлое, когда мы оцениваем исторические события с точки зрения того, как их видит исследователь, который живет в другой эпохе.

Так как историк имеет дело не с фактами реальности, а с фактами сознания — результатом текстуализации реальности в источниках, то единственно возможная проверка достоверности знания о прошлом — его соответствие источнику. Но проверить достоверность сведений, изложенных в источнике, полностью и соответственно его событиям, имевшим место в действительности, возможно только в области разума или интуиции, что исключает соотнесение истории научному знанию. Поэтому ни одна из конкурирующих репрезентаций прошлого не может претендовать на истинность.

Единственный метод историографии — интеллектуальное созерцание, и в этом смысле историографические концепции обусловлены субъектом, а не объектом познания. Разные концепции понимания прошлого есть дискуссия не о фактах или о событиях, имевших место в действительности, а об их интерпретации. Репрезентация прошлого — это всегда паллиатив: текст — субъективная упорядоченность фактов, зависящая от воли его автора [7].

Историография, как инструмент манипуляции общественным сознанием, предлагает готовые схемы и однозначные ответы, фальсифицируя (в смысле искажения) прошлое. Но не существует однозначных смыслов ни в настоящем, ни в прошлом. Настоящее становится прошлым в результате актуализации различных равновероятностных альтернатив, подчиняющихся в большей степени случаю, чем рациональной деятельности индивидов и социальных групп. Следовательно, невозможна единственно верная безальтернативная интерпретация исторических событий [8, 9]. Поэтому не существует одной истории, а есть множество нарративных репрезентаций прошлого, каждая из которых отражает потребность мы-групп, в определении идентичности в рамках смыслового континуума мы-они. Но ни одна из них не имеет эксклюзивного права на истину. В этом смысле историография тяготеет к догматизму, в то время как научному знанию атрибутивно свойственна плюралистичность [10–12], которая должна найти отражение и в педагогическом процессе [13–15], и в методологии [16–18].

Литература

- [1] Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет: Роман и художественная публицистика. М.: Прогресс. 1989. 384 с.
- [2] Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М. 2001. 392 с.
- [3] Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 491 с.
- [4] Нестеренко А.Н. Историческая память и современность // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 3. С. 284–288.
- [5] Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
- [6] Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Изд-во Прогресс-Традиция. 2003. 496 с.
- [7] Нестеренко А.Н. Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 103–114.
- [8] Нехамкин В.А. О методике преподавания истории: контрфактическое моделирование // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 101–104.
- [9] Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 102–120.
- [10] Малькова Т.П. Наука как социокультурный феномен: плюрализм моделей и источников развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–1 (54). С. 106–110.
- [11] Ivlev V.Yu., Barkova E.V., Ivleva M.I., Buzskaya O.M. Environmental approach to the study of the modern stage of information society development: research prospects // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11, no. 16. P. 9113–9124.
- [12] Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А., Удовик В.Е. Информационное общество и формирование новой эпистемологической парадигмы современной науки. Москва, 2013.
- [13] Нехамкин А.Н. Так что же нужно предпринять? // Alma mater (Вестник высшей школы). 1997. № 7. С. 5–7.

- [14] Брызгалина Е.В. Философские проблемы управления образованием: история и современность // Философское образование. 2011. № 1. С. 118.
- [15] Багдасарьян Н.Г. Кто встанет за кафедру завтра? // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 113–117.
- [16] Нехамкин В.А. Сослагательное наклонение в историческом познании // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 135–138.
- [17] Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 96–100.
- [18] Чернышева Е.Н. Перспективы междисциплинарного подхода в экономической науке // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 1 (5). С. 85–90.
- [19] Зубов В.В. Объективность исторического исследования: к проблеме русско-французских отношений в период европейского кризиса 1887 г. // Философские проблемы социально-гуманитарного знания. Москва, 2001. С. 88–104.
- [20] Пусько В.С. Подготовка научно-педагогических кадров в МГТУ им. Н.Э. Баумана // Высшее образование в России. 2011. № 8–9. С. 37–40.

УДК 167.7

ФУНКЦИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ В РАМКАХ КОНТРАФАКТИЧЕСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.А. Нехамкин | ✉ nehamkin@rambler.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), Москва, Россия

А.Н. Нехамкин | ✉ nekhamkin.nauka@yandex.ru

Финансовый университет при Правительстве РФ, Брянск, Россия

Контрафактические исторические исследования (КФИ) — одно из важных междисциплинарных направлений научного познания. В его рамках рассматривается прошлое не как ставшее, по словам М. Блока, «некая данность, которую ничто не властно изменить» [1, с. 35], а как мысленно изменяемая в ее отдельных фрагментах и в целом реальность. Здесь используются различные методы эмпирического познания: моделирование, мысленный эксперимент, абстрагирование, экстраполяция, аналогия, сравнение, индукция и дедукция и т. д. Возник ряд направлений КФИ: альтернативная история, виртуальная история, экспериментальная история, криптоистория и т. д., которые тесно связаны между собой. Контрафактические исследования опираются на материал традиционной исторической науки, но тяготеют к философии истории, где подобным мысленным экспериментам не мешают различные методологические «запреты». Они наиболее распространены в области военной и экономической истории, но проникают и в иные ее разделы — политическую, архитектурную, гендерную историю и т. д.

Среди обвинений, которые часто «бросают» КФИ сторонники традиционной истории, одно из наиболее «тяжких» — тезис о ее принципиальной антинаучно-